

Глава 1. РОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УБИЙЦЫ

Все началось вполне невинно.

Я родился в 1945 году. Единственный ребенок в семье, относящейся к нижнему слою среднего класса. Мои родители происходили из семей, предки которых три века назад обосновались в Новой Англии. Несколько поколений предков–пуритан дали себя знать в строгих, моралистических взглядах обоих родителей. Они оба первыми в своих семьях получили образование в колледже — за счет государственных стипендий. Моя мать стала преподавателем латыни в старших классах. Мой отец участвовал во Второй мировой войне. Лейтенант военно–морских сил, он командовал орудийным расчетом на танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере в Нью–Гемпшире, он лечил перелом бедра в тexasском госпитале. Я увидел его, только когда мне уже исполнился один год.

Отец стал преподавать языки в школе Тилтон, интернате для мальчиков в сельском Нью–Гемпшире. Здание интерната располагалось на холме, гордо — некоторые говорили «высокомерно» — возвышаясь над городом–тезкой. Набор в это привилегированное учебное заведение был ограничен пятьюдесятью местами в каждом классе, с девятого по двенадцатый. Ученики были в основном отпрыски состоятельных семей из Буэнос–Айреса, Каракаса, Бостона и Нью–Йорка.

В семье не хватало наличных денег, однако мы ни в коем случае не считали себя бедными. Хотя зарплата школьных учителей была весьма скромная, многое мы получали бесплатно: еду, жилье, отопление, воду, услуги рабочих, косивших газон и убиравших снег. Начиная с четвертого года жизни я питался в столовой подготовительной школы, подавал мячи в футбольной команде, в которой отец был тренером, и выдавал полотенца в раздевалке.

Было бы недостаточно сказать, что учителя и их жены чувствовали превосходство по отношению к местным жителям. Я много раз слышал, как мои родители в шутку говорили, что они лорды в поместье, управляющие крестьянами — имелись в виду обитатели городка. Я знал, что это не просто шутка.

Когда я учился в начальных и средних классах, моими друзьями были ребята из очень бедных крестьянских семей. Их родители были чернорабочими на фермах и мельницах, лесорубами. Они

пренебрежительно относились к «приготовишкам на горе». В свою очередь, и мои родители не поощряли общение с городскими девочками, называя их «шлюхами» и «потаскушками». С первого класса я дружил с этими девочками, мы обменивались книгами и мелками; с течением времени я по очереди влюбился в трех из них: Энн, Присциллу и Джуди. Мне было очень трудно принять точку зрения своих родителей, тем не менее я подчинился их воле.

Каждый год мы проводили летний трехмесячный отпуск отца в коттедже на берегу озера. Его построил мой дед в 1921 году, расположив его в лесу, где по ночам до нас доносились крики совы и рык горных львов. У нас не было соседей. Я был единственным ребенком на всю округу. Мне представлялось, что деревья вокруг — это рыцари Круглого стола и прекрасные дамы, которых я от тоски называл в разные годы Энн, Присцилла или Джуди. Мои чувства, без сомнения, ничуть не уступали по своей силе страсти Ланцелота к Гиневре и были даже еще более потаенными.

В четырнадцать лет я получил право на бесплатное обучение в школе Хилтон. Под влиянием родителей я порвал все нити, связывавшие меня с городком, и больше уже никогда не видел своих старых друзей. Когда мои новые одноклассники разъезжались на каникулы в свои особняки и пентхаузы, я оставался в школе один. Их подружки были «дебютантками» — дочерьми в родовитых семьях. У меня вообще не было подружек. Все мои знакомые девочки были «потаскушками». Я прекратил общение с ними, и они забыли обо мне. Я остался один, что очень огорчало меня.

Мои родители были мастерами манипуляции. Они уверяли меня, что иметь возможность учиться в этой школе — большая честь; со временем я пойму это и буду им благодарен. Я найду прекрасную жену, отвечающую высоким моральным стандартам нашей семьи. Внутри я кипел. Я жаждал общения с противоположным полом — секса, и мысль о «потаскушке» была в высшей степени соблазнительной.

Однако вместо того чтобы восстать, я подавил свое негодование. Мое недовольство нашло выражение в том, что я стремился стать лучшим во всем. Я был отличником, капитаном двух школьных команд, редактором школьной газеты. Я был полон решимости выделиться среди своих богатых одноклассников и навсегда оставить школу Тилтон. В выпускном классе мне предложили полную спортивную стипендию для получения образования в Брауне, а также академическую стипендию для обучения в Миддлбери. Я выбрал Браун прежде всего потому, что мне нравилось заниматься спортом, а также потому, что он находился в городе. Моя мать

закончила Миддлбери, отец получил там степень магистра, поэтому, хотя Браун и входил в «Лигу плюща», родители предпочли Миддлбери.

— А если ты сломаешь ногу? — спросил отец. — Академическая стипендия лучше.

Я уступил.

В моем понимании Миддлбери был увеличенной копией Тилтона, хотя и находился в деревенском Вермонте, а не в деревенском Нью-Гемпшире. Да, в нем было совместное обучение. Но я был беден, остальные студенты — богаты. Четыре года я учился в школе с отдельным обучением, где не было ни одной ученицы. Мне не хватало уверенности в себе, и я чувствовал себя жалким отщепенцем. Я умолял отца разрешить мне уйти из колледжа или хотя бы взять годовой отпуск. Мне хотелось уехать в Бостон, где бы я мог больше узнать о жизни и о женщинах. Он даже слушать об этом не хотел.

— Как я смогу готовить учеников к поступлению в колледж, если мой собственный сын не хочет в нем учиться? — спрашивал он.

Я пришел к пониманию, что жизнь есть набор случайных обстоятельств. То, как мы на них реагируем, как мы проявляем свою так называемую свободную волю, — это и есть наша сущность. Выбор, который мы делаем на поворотах судьбы, и определяет, что мы собой представляем. В Миддлбери произошли две случайные встречи, определившие мою судьбу.

Одна — с иранцем, сыном генерала, личным советником шаха. Другая — с красивой молодой женщиной по имени Энн.

Иранец, я буду называть его Фархад, ранее был профессиональным футболистом в Риме. Природа наградила его атлетической статью, черными вьющимися волосами, карими глазами с мягким взглядом. Все это в совокупности с его прошлым и особой харизмой делало его неотразимым для женщин. Во многих отношениях он был моей противоположностью. Мне пришлось потрудиться, чтобы завоевать его дружбу. Он научил меня многим вещам, которые впоследствии мне пригодились. Кроме того, я познакомился с Энн. И хотя у нее был молодой человек из другого колледжа, она взяла меня под свое крыло. Наши платонические отношения стали моей первой настоящей любовью.

Общаясь с Фархадом, я стал выпивать, ходить на вечеринки, перестал слушаться родителей. Я сознательно прекратил учиться, решив сломать свою «академическую ногу», чтобы отомстить отцу. Оценки ухудшились, меня лишили стипендии. После полутора лет обучения я решил бросить колледж. Отец пригрозил отречься от меня, Фархад подзадоривал. Я

ворвался в кабинет декана и потребовал, чтобы меня отчислили. Это был поворотный момент в моей жизни.

Мы с Фархадом отмечали мой последний день в местном баре. Пьяный фермер, гигантских размеров мужик, решив, что я флиртую с его женой, поднял меня в воздух и швырнул о стену. Фархад вскочил между нами и, выхватив нож, полоснул фермера по щеке. Затем, протащив меня по комнате, он выпихнул меня в окно, на карниз, нависший высоко над заливом Выдр. Мы оба спрыгнули и, пробравшись берегом реки, вернулись в общежитие. На следующее утро, когда меня допрашивал полицейский, я наврал и сказал, что ничего не знаю о случившемся. Тем не менее Фархада исключили. Мы оба переехали в Бостон, где вместе сняли квартиру. Я нашел работу в «Рекорд Америкэн/Сандэй эдвертайзер» в качестве персонального помощника главного редактора «Сандэй эдвертайзер».

В том же 1965 году нескольких из моих знакомых по газете призвали в армию. Чтобы не попасть под призыв, я поступил в Бостонский университетский колледж делового администрирования. К тому времени Энн уже порвала со своим парнем и теперь часто приезжала ко мне из Миддлбери. Мне было приятно ее внимание. Она закончила колледж в 1967 году, мне же еще оставалось год учиться. Энн категорически отказалась переезжать ко мне до того, как мы поженимся. Хотя я и шутил насчет того, что меня шантажируют, и действительно обижался на то, что мне казалось продолжением архаичного и ханжеского набора моральных принципов моих родителей, мне нравилось быть с ней вместе и хотелось большего. Мы поженились.

Отец Энн, прекрасный инженер, в свое время изобрел навигационную систему для важного класса ракет и за это получил высокую должность в Военно–морском департаменте. Его лучший друг, которого Энн называла дядя Фрэнк (это вымышленное имя), занимал руководящий пост в высших эшелонах Агентства Национальной Безопасности (АНБ), самой малоизвестной — и, по моим оценкам, самой крупной — шпионской организации в стране.

Вскоре после того, как мы поженились, меня, как лицо призывного возраста, вызвали для прохождения медосмотра. Я был признан годным для армейской службы. Передо мной встала перспектива Вьетнама по окончании университета. Сама идея сражаться в Юго–Восточной Азии была ужасна, хотя война всегда была притягательна для меня. Я воспитывался на рассказах о своих предках — колонизаторах, среди которых были Томас Пейн и Этан Аллен. В Новой Англии и северной части штата Нью–Йорк я прошел по местам сражений всех войн: войны с

индейцами и Войны за независимость. Я прочел все исторические романы, которые смог найти. Когда специальные подразделения американской армии только вошли в Юго–Восточную Азию, я мечтал о том, чтобы меня призвали. Но по мере того как средства массовой информации рассказывали о грубых промахах и непоследовательности американской политики, мое отношение менялось. Я задавал себе вопрос: на чьей стороне был бы Пейн? Я был уверен, что он присоединился бы к нашим врагам вьетконговцам.

На помощь пришел дядя Фрэнк. Он сообщил мне, что работа в АНБ дает право на отсрочку от армии, и организовал несколько собеседований в своем управлении, включая целый день изнурительных тестов на полиграфе. Мне сообщили, что все эти собеседования и тесты помогут определить, подхожу ли я вообще для работы в АНБ, и, если да, выявят мои сильные и слабые стороны, чтобы подобрать наиболее подходящую работу. Учитывая мое отношение к Вьетнамской войне, я был убежден, что провалю эти тесты.

В ходе собеседований я сообщил, что, будучи лояльным гражданином США, я против войны, и был сильно удивлен, когда мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах в связи с тем, что я рос как бедный пуританин среди обеспеченных одноклассников, вкушавших все радости жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях по поводу отсутствия общения с женщинами, секса и денег в моей жизни и о фантазиях, которые возникали в результате этой нехватки. Меня поразило внимание, с которым они отнеслись к моим отношениям с Фархадом, и интерес к тому, что я соврал полицейским, чтобы не выдать его.

Поначалу я думал, что все эти вещи, на мой взгляд говорившие о моих недостатках, не позволят принять меня в АНБ. Но собеседования продолжались, а это свидетельствовало об обратном. Только через несколько лет я понял, что с точки зрения АНБ эти недостатки есть скорее достоинства. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные обстоятельства моей жизни. Злость на родителей, одержимость женщинами, мои амбиции относительно хорошей жизни дали им крюк, на который меня можно было зацепить. Мое стремление быть первым в учебе и спорте, мой бунт против отца, мое умение ладить с иностранцами, моя готовность лгать полиции — это были как раз те черты, которые они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада сотрудничал с разведкой США в

Иране; соответственно моя дружба с ним была со всей определенностью записана мне в плюс.

Через несколько недель после тестирования в АНБ мне предложили начать обучение искусству шпионажа. Обучение должно было начаться спустя несколько месяцев, после того как я получу степень в Бостонском университете. Однако прежде чем официально принять это предложение, я, повинувшись внутреннему порыву, посетил семинар, который проводил в университете рекрутер Корпуса мира. Самым привлекательным моментом было то, что работа в Корпусе мира, как и в АНБ, давала право на отсрочку от армии.

Решение посетить этот семинар было одной из кажущихся незначительными случайностей, но, как выяснилось, сыграло важную роль в моей судьбе. Рекрутер рассказал о нескольких районах на земном шаре, где особенно остро требовалась помощь добровольцев. Одним из таких мест были ливневые леса Амазонки, где, по его словам, население вело примерно такой же образ жизни, как коренные жители Северной Америки до появления европейцев.

Я всегда мечтал пожить, как абнаки, населявшие Нью-Гемпшир в те времена, когда там впервые появились мои предки. Я знал, что в моих жилах течет и кровь абнаки. Мне хотелось изучить законы леса, которые так хорошо понимали мои предки. После выступления рекрутера я подошел к нему и спросил о возможности получить назначение на Амазонку. Он уверил меня, что в этом регионе значительная потребность в добровольцах и что у меня великолепные шансы туда попасть. Я позвонил дяде Фрэнку.

К моему удивлению, дядя Фрэнк с одобрением отнесся к моей идее насчет Корпуса мира. Он признался мне, что после падения Ханоя — а в те дни люди его положения не могли сомневаться, что он будет взят, — Амазонка станет горячим местечком.

— Место напичкано нефтью, — сказал он. — Нам понадобятся там хорошие агенты — люди, умеющие общаться с местными.

Он уверил меня, что Корпус мира станет для меня великолепной школой, и настоятельно рекомендовал хорошо изучить испанский язык, а также местные диалекты.

— Возможно, — усмехнулся он, — в конечном итоге ты окажешься в частной фирме, а не на государственной службе.

Тогда я не понял, что он имел в виду. Меня переводили из категории шпионов в ЭУ, хотя в то время я не был знаком с этим термином и услышал о нем только через несколько лет. Я не представлял себе, что сотни людей,

мужчин и женщин, во всем мире работают на консалтинговые компании, фирмы и другие частные организации. Эти люди никогда не получали ни пенни государственной зарплаты и тем не менее служили интересам империи. Не мог я представить и то, что количество людей, занимающих должности с еще более благозвучными наименованиями, будет исчисляться тысячами к началу XXI века и что я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Мы с Энн написали заявления о приеме на работу в Корпус мира и попросили послать нас в бассейн Амазонки. Когда мы получили уведомление о приеме на работу, нашему разочарованию не было границ. В письме говорилось, что мы будем работать в Эквадоре.

«О нет, — подумал я. — Я же хотел на Амазонку, а не в Африку».

Я стал искать Эквадор в атласе. К моему удивлению, на Африканском континенте его не было. Тогда я обратился к указателю и обнаружил, что Эквадор действительно находится в Латинской Америке. На карте было видно, что речные системы, берущие начало из андских ледников на территории Эквадора, образуют истоки могучей Амазонки. Далее я узнал, что джунгли Эквадора — самые обширные и труднопроходимые в мире и что местные жители вели такой же образ жизни, как и их предки тысячелетиями ранее. Мы приняли это назначение.

Закончив курсы Корпуса мира в Южной Калифорнии, мы в сентябре 1968 года направились в Эквадор и оказались среди людей, образ жизни которых действительно напоминал образ жизни коренного населения Северной Америки до колонизации. В Андах мы работали с потомками инков. Я никогда не думал, что подобные места еще сохранились. Ведь до этого единственными латиноамериканцами, с которыми мне доводилось общаться, были состоятельные ученики в школе, где преподавал отец. Мне понравились туземцы, жившие охотой и земледелием. Я ощущал странное родство с ними. Каким-то образом они напоминали мне друзей-бедняков из городка моего детства.

Однажды на взлетно-посадочной площадке нашей общины появился человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом «Чаз.Ти.Мейн, инк.» (МЕЙН), международной консалтинговой фирмы. Эта организация, предпочитавшая оставаться в тени, проводила исследования с целью определить целесообразность выдачи Всемирным банком миллиардного кредита Эквадору и его соседям на строительство гидроэлектростанций и других объектов инфраструктуры. Эйнар, кроме того, был еще полковником запаса армии США.

Он начал вести со мной разговоры о преимуществах работы в такой

организации, как МЕЙН. Когда я упомянул, что до вступления в Корпус мира меня приняли в АНБ и я собирался вернуться к ним, он сообщил мне, что иногда действует как их посредник. Он так посмотрел на меня, что я заподозрил, что одной из его задач была оценка моих возможностей. Теперь я понимаю: он занимался обновлением моего досье; особенно его интересовала моя способность выжить в условиях, которые большинство жителей Северной Америки сочли бы враждебными.

Пару дней мы вместе провели в Эквадоре, а потом поддерживали связь по почте. Он попросил готовить для него отчеты с оценкой экономических перспектив Эквадора. У меня с собой была портативная пишущая машинка, я любил писать и поэтому с удовольствием выполнил его просьбу. За год я послал ему по меньшей мере пятнадцать длинных писем. В них я рассуждал о политическом и экономическом будущем Эквадора, оценивал растущее недовольство в общинах туземцев, их попытки противостоять нефтяным компаниям, международным агентствам по развитию и прочим организациям, пытающимся приобщить их к цивилизации.

Когда моя поездка по линии Корпуса мира была окончена, Эйнар пригласил меня на собеседование в штаб-квартиру МЕЙН в Бостоне. В беседе он подчеркнул, что основным бизнесом МЕЙН была инженерия, но крупнейший клиент МЕЙН, Всемирный банк, недавно потребовал, чтобы они взяли в штат экономистов для создания экономических прогнозов в целях определения выполнимости и важности инженерных проектов. Эйнар посетовал, что нанял трех экономистов очень высокой квалификации с безупречными дипломами: двух — со степенью магистра и одного доктора наук. Они все провалились самым жалким образом.

— Никто из них, — сказал Эйнар, — не в состоянии сделать экономический прогноз по странам, где нет надежной статистики.

Он рассказал мне, что, помимо этого, они сочли невозможным соблюдение условий контракта, который обязывал их выезжать в отдаленные страны, такие, как Эквадор, Индонезия, Иран и Египет, интервьюировать местных лидеров, давать личную оценку перспектив экономического развития в этих регионах. С одним случился нервный срыв в отдаленной панамской деревне; панамские полицейские сопроводили его в аэропорт и отправили обратно в Штаты.

— Твои письма свидетельствуют о том, что ты в состоянии работать, даже когда нет доступа к достоверным данным. А учитывая условия, в которых ты жил в Эквадоре, я уверен, что ты сможешь выжить почти везде.

Он сказал, что уже уволил одного из экономистов и готов поступить

таким же образом с остальными в случае, если я соглашусь на эту работу.

Вот так и получилось, что в январе 1971 года мне предложили должность экономиста в МЕЙН. Мне исполнилось двадцать шесть — чудесный возраст, в котором становишься неинтересным для призывной комиссии. Я посоветовался с семьей Энн. Они поддержали меня в выборе работы. Думаю, в этом сыграло свою роль и мнение дяди Фрэнка. Я вспомнил, что он говорил о моей возможной работе в частной фирме. Об этом никогда не упоминалось вслух, но у меня нет никаких сомнений, что моя работа в МЕЙН была следствием мер, предпринятых дядей Фрэнком тремя годами раньше, в дополнение к моему опыту работы в Эквадоре и моему желанию писать об экономической и политической ситуации в этой стране.

Голова у меня кружилась еще несколько недель: я очень гордился собой. У меня была всего лишь степень бакалавра Бостонского университета, которая вовсе не гарантировала должность экономиста в такой солидной консалтинговой компании. Я знал, что многие мои университетские сокурсники, избежавшие армии и вернувшиеся в университет для получения степени магистра и продолжения образования, изойдут завистью. Я уже видел себя лихим секретным агентом, командированным в экзотические страны, развалившимся в шезлонге у бассейна в отеле, в окружении шикарных женщин в бикини, с мартини в руке.

Хотя это были всего лишь фантазии, я вскоре понял, что в них была доля правды. Эйнар нанимал меня экономистом, но очень скоро мне предстояло узнать, что моя настоящая работа выходила далеко за пределы этой должности и что на самом деле она гораздо более схожа с тем, чем занимался Джеймс Бонд, нежели я мог себе представить.